

Андрей САВИН

БУМАЖНАЯ АРХИТЕКТУРА

Весной 2015 г. в музее изобразительных искусств на Волхонке прошла выставка «Бумажная архитектура». Было представлено особое направление в изобразительном искусстве, основателем которого считается Джованни Баттиста Пиранези (1720—1778). В СССР это направление ярко проявилось в 80-ые годы, работы «бумажных архитекторов» были представлены в музеях, галереях Парижа, Лондона, Кёльна, Милана и в др. городах Европы. В музее на Волхонке предложили своеобразный «исторический диалог проектов советских концептуалистов и итальянских классиков архитектурной фантазии. В экспозиции были представлены 80 произведений архитектур-

ной графики знаменитых мастеров XVII — XVIII веков Джованни Батиста Пиранези, Джузеппе Валериани, Пьетро Гонзага, Франческо Градици, Джакомо Кваренги, Маттеуса Кюсселя, Джузеппе Бибиены, а также ведущих художников советского архитектурного концептуализма — Юрия Аввакумова, Михаила Белова, Александра Бродского и Ильи Уткина, Дмитрия Буша, Тотана Кузембаева, Юрия Кузина, Михаила Лабазова, Вячеслава Мизина, Вячеслава Петренко, Андрея Савина, Владимира Тюрина, Михаила Филиппова, Андрея Чельцова, Сергея и Веры Чукловых».

На страницах альманаха мы предложили А. Савину рассказать о его видении явления «бумажная архитектура».

В школьные годы я и не думал о профессии архитектора, в детстве хорошо рисовал, потом поступил в художественную школу на улице Красина, меня взяли без экзаменов. Я быстро вошел во вкус, с юношеским максимализмом решил, что уже знаю, что такое живопись, и единственное, что мне оставалось постичь, было искусство пространства. Поэтому поступил в Архитектурный институт (МАРХИ). В первые годы учиться было сложно, но очень интересно. Когда на третьем курсе началось «серьезное» проектирование — клубы, школы, жилые дома, я понял, что это, возможно, не то, чего я ожидал. Предмет архитектуры представлялся мне иначе. И как раз в этот момент (1981 год) меня почти полностью захлестнула волна бумажной архитектуры, ничего другого я для себя уже не видел. Бумажные проекты, конкурсы, сформировавшийся на этой почве круг общения — прежде всего Михаил Лабазов и Андрей Чельцов — консолидировали нас и помогли абстрагироваться от серой обыденности того времени. С Чельцовым и с Лабазовым мы были знакомы еще до того, как стали участвовать в конкурсах. Была веселая студенческая жизнь — «картошка», практика расширяли контакты. Первый проект, который мы делали вместе с Лабазовым, был «Кукольный дом», над которым работали вместе с Владиславом Кирпичевым. Кирпичев объединил студентов, помогавших ему в детской архитектурной студии. Подход Кирпичева, отличавшийся

скрупулезностью проработки, наложил глубокий отпечаток на бумажную архитектуру в целом. Через некоторое время, почувствовав комфортные отношения между нами троими, мы начали работать самостоятельно. Один из первых проектов, которые мы делали втроем с Чельцовым и Лабазовым (чуть ли не на кухне), был конкурс «Dwelling in Historicism» (JA Shinkenchiku – 1983 г.). Я тогда учился на третьем курсе. Мы получили поощрительную премию, в МАРХИ пришла бумага, и когда мне об этом сказали, у меня было ощущение, что я выиграл все деньги мира. Хотя за поощрительную премию денег не давали, мы почувствовали азарт, который нас здорово подстегнул. Так началась наша совместная работа, потом появилась студия «А-Б», она до сих пор и функционирует. Ну, а бумажная архитектура – это особый жанр «чистого искусства», узкая прослойка в теле архитектуры. В то же время эта прослойка сама по себе напоминает слоеный пирог, в котором есть и литература, и философия, и скульптура, и технология, и многое другое. Участие в конкурсах того времени дало нам мощный импульс, укрепостило наше сознание, заставило свободнее мыслить, ощутить себя в контексте всей мировой культуры. Хотя я понимаю, что наша тогдашняя самооценка была чрезвычайно завышена.

В целом меня огорчает «постбумажный» период. Я по-другому представлял себе будущее. Мне казалось, что «бумажники» выйдут в профессию, и их «реальные» работы будут иметь то же качество, что и «бумажные» проекты. Однако результаты разочаровывают. Неуспех «бумажников» в «реальной» архитектуре имеет много объяснений. Отчасти это связано со спецификой нынешней экономической и культурной ситуации в России. Однако главная причина в другом. Мы очень плохо представляли себе реальный процесс проектирования и строительства. Институт нас этому не учил и не учит. Нет и архитектурных фирм, в которых можно было бы получить это образование. Конечно, в нашей архитектурной школе очень много полезного – прежде всего, это традиции. Но компаний, в которых протекает полноценный архитектурный процесс, до сих пор нет. Внутри них нет структурности, которая позволила бы делать

большие проекты качественно, красиво и быстро, где концепция была бы артикулирована достаточно ясно. Речь идет не только об архитектурных, но и об инженерных фирмах. Люди, которые приходят после института, тратят три или четыре года на то, чтобы только освоить азы профессии. Мы слишком много времени тратили на теоретизирование, творческий процесс шел в очень узком «коридоре». Профессия же гораздо шире, там есть масса вещей, о которых мы и не подозревали. И когда мы начали проектировать реальные объекты, мы столкнулись с целым рядом проблем, просто не существующих в бумажной архитектуре. Еще в институте я понял, что не пойду работать в проектную организацию ни при каких обстоятельствах. И если бы не перемены в конце 1980-х — неизвестно, как сложилась бы моя (и моих коллег) профессиональная деятельность.

Если вы придете на выставку дипломных проектов Архитектурной ассоциации или любой другой западной школы, вы там найдете проекты, которые легко можно отнести к бумажной архитектуре. С точки зрения процесса развития мировой архитектуры это не феномен. Новым явлением бумажная архитектура была для Советского Союза. Люди использовали единственную возможность для самовыражения. Жесткость образовательной программы препятствовала выходу творческой активности. Так что считать бумажную архитектуру новым явлением мирового масштаба — сильное преувеличение. Российская бумажная архитектура была более литературна, чем ее западные аналоги. Однако связано это было с отсутствием в Советском Союзе современных технологий, неотделимых от современной архитектуры. Это была абсолютная сублимация. Мы умели только сочинять сказки. Да, бумажная архитектура получилась красивая, поэтичная, романтическая, и Запад воспринял ее как большое явление. Однако если наши работы того времени показать сегодня какому-нибудь западному профессионалу, особого интереса это не вызовет. Сегодня о бумажной архитектуре на Западе знает лишь узкий слой специалистов-искусствоведов. В этом ракурсе бумажная архитектура — узкая щелочка в этом процессе, провокация дальнейшей творческой деятельности.